

**Заводские площади: градостроительная специфика
и культурно-историческая семантика
в эпоху индустриализации***

Константин Бугров

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**Factory Forecourts: Peculiarities in Construction
and Cultural and Historical Semantics during Industrialisation****

Konstantin Bugrov

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article analyses the architectural complexes of industrial forecourts that emerged in the USSR between the late 1920s and early 1940s and their cultural and symbolic role. The author evaluates the phenomenon of the pre-factory entrance area in a global context, showing that the organisation of the contact zone between the factory and the city had been used in the Russian tradition of the eighteenth – early nineteenth centuries and, more recently, in the US and Western Europe in the early twentieth century. The author analyses 45 cases of Soviet urban planning during industrialisation and distinguishes three main types of contact zones, i. e. arterial, junction, and isolated. The rarest variety of the junction type is a well-developed factory forecourt, which comprises different facilities of administrative, social, and cultural infrastructure, and, in addition, possesses special symbolic and memorial significance. Only six out of 45 meet this definition, namely, in Makeevka, Saratov, Volgograd, Magnitogorsk, Yekaterinburg, and Novokuznetsk. Considering these cases, the author demonstrates that it was the landscape of these squares that stimulated the formation of cultural mythology, with the emergence of cultural artifacts, like the tank monument in the square of the Volgograd

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

** Citation: Bugrov, K. (2022). Factory Forecourts: Peculiarities in Construction and Cultural and Historical Semantics during Industrialisation. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 3. P. 1154–1172. DOI 10.15826/qr.2022.3.721.

Цитирование: Bugrov K. Factory Forecourts: Peculiarities in Construction and Cultural and Historical Semantics during Industrialisation // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 3. P. 1154–1172. DOI 10.15826/qr.2022.3.721 / Бугров К. Заводские площади: градостроительная специфика и культурно-историческая семантика в эпоху индустриализации // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 3. С. 1154–1172. DOI 10.15826/qr.2022.3.721.

Tractor Plant or A. P. Bannikov's mausoleum in the square of the Ural Heavy Machine-Building Plant. In four cases (Volgograd, Magnitogorsk, Yekaterinburg, Novokuznetsk), these factory forecourts were turned into places for rallies and meetings and became elements of the visual standard of representation for these locations, and acquired the status of places of historical memory. These town-planning ensembles, which manifest threefold architectural, social, and symbolic uniqueness, ought to be considered extremely valuable, therefore requiring a cautious policy of cultural heritage preservation, which is especially important in the context of partial deindustrialisation of Russian cities.

Keywords: constructivism, factory square, industrialisation, industrial heritage, industrial archaeology of the USSR between the 1920s and 1940s, urban planning system

Статья посвящена анализу градостроительных комплексов заводских площадей, сформировавшихся в СССР конца 1920-х – 1940-х гг., а также их культурно-репрезентативной роли. Автор рассматривает феномен заводской площади в глобальном контексте, демонстрирует, что в качестве формы организации контактно-стыковой зоны между заводом и городом заводская площадь использовалась и в отечественной традиции XVIII–XIX вв., и в США и Западной Европе начала XX в. В советской практике градостроения времен индустриализации на основании анализа 45 кейсов выделено три основных типа размещения элементов контактно-стыковой промышленной зоны, использовавшихся в советском градостроении, – магистральный, узловой и изолированный. Наиболее редкая разновидность узлового типа – полно-весная заводская площадь, выходящая к заводским проходным, концентрирующая вокруг себя разнообразную социальную инфраструктуру поселения, а также обладающая особой символической и мемориальной значимостью. На практике подобные проекты были осуществлены лишь в шести случаях – в Макеевке, Саратове, Волгограде, Магнитогорске, Саратове, Екатеринбурге, Новокузнецке. Анализируя эти кейсы, автор показывает, каким образом своеобразие ландшафта застройки площадей стимулировало формирование вокруг них своеобразной культурной мифологии, возникновение культурных артефактов – таких, как монумент-танк на площади у Волгоградского тракторного завода или мавзолей первостроителя А. П. Банникова у проходных Уральского завода тяжелого машиностроения. В четырех случаях (Волгоград, Магнитогорск, Екатеринбург, Новокузнецк) заводские площади превращались в места митингов и собраний, становились элементами визуального канона, используемого для рассказа о городах СССР, локусами местной идентичности и исторической памяти. Данные градостроительные ансамбли, обладающие архитектурной, социальной и символической уникальностью, следует считать исключительно ценными, требующими особой политики сохранения элементами историко-культурного наследия, что особенно актуально в условиях частичной деиндустриализации крупных российских городов.

Ключевые слова: конструктивизм, заводская площадь, индустриализация, индустриальное наследие, промышленная археология СССР в 1920–1940-е гг., планировочная система городов

Одной из главных особенностей урбанизации, развернувшейся в СССР в 1930-е гг., являлась доминирующая роль вновь создававшихся и реконструированных промышленных гигантов. Эти предприятия не только служили локомотивами экономического роста, но и определяли новую городскую географию, а также наполняли ее смыслами. Ведь важной частью этой географии является застройка *предзаводских пространств* – то есть тех частей контактно-стыковой зоны промышленного предприятия, которые интегрируют проходные предприятия, комплексы социальной инфраструктуры и жилой массив. Данная тема разрабатывается в отечественной и мировой науке лишь фрагментарно, примеров обращения к ней относительно немного [Токарев; Явкина]. Поэтому в настоящей статье мы сфокусируем внимание на анализе градостроительного феномена *заводской площади* в советском городе эпохи индустриализации, постараемся выявить черты его специфики, дать классификацию и охарактеризовать заводские площади СССР не только как сугубо географические понятия, но и как локусы местной идентичности.

Заводские площади в историческом контексте

Исторически первые заводские площади появились в эру ранней индустриализации XVIII – начала XIX в. В Западной Европе подобные решения применялись редко: высокая плотность населения и дефицит земли, как правило, предполагали размещение промышленности в уже сложившихся поселениях и затрудняли (хотя и не исключали) градостроительный акцент на подходах к заводу. Тем не менее, даже спланированное К. Леду «идеальное производство» в Арк-э-Сенане с его эффектной входной аркой было лишено собственно заводской площади.

В России ситуация была иной благодаря формированию многочисленных городов-заводов в условиях обширных свободных пространств. Предзаводские площади XVIII – начала XIX в. выступали планировочным ядром города-завода: здесь размещались здания контор и служб, церкви, дома заводладельцев. Примеры такой планировки сохранились до нашего времени в Ижевске, Сысерти, Реже, Нижнем Тагиле, Златоусте, Каменске-Уральском, Сатке, Усть-Катаве и десятках других городов [Лотарева, с. 97–112].

Однако с течением времени структура связей между производственной и жилой зонами усложнялась (важную роль в этом играло появление железных дорог), а предзаводская площадь испытывала возрастающую конкуренцию со стороны других внутригородских торговых и социальных центров [Яковлев, с. 12–13]. Новые индустриальные поселения, возникавшие во второй половине XIX в., уже имели жесткую социальную структуру, делились на престижную часть, расположенную ближе к заводу, и удаленные от предприятия места обитания неквалифицированной рабочей силы. Социально-

административный центр таких поселков по-прежнему тяготел к заводу, однако полноценных заводских площадей, как правило, не формировал. Так, без подобных площадей сложилась территория поселков Чусовского завода (Чусовой, 1879), Александровского Южно-Российского завода (Екатеринослав, 1887), Косогорского металлургического завода (Тула, 1897), завода Уральско-Волжского общества (Царицын, 1897) и других.

В странах Европы и Северной Америки заводская площадь вновь становится важным элементом проектирования в XIX в. по мере развития патерналистских и филантропических концепций. Наиболее ярким примером использования предзаводской зоны в промышленных городах Европы эпохи Интербеллума может считаться чехословацкий Злин, выстроенный при обувном заводе компании «Батя». В начале 1930-х гг. здесь была сооружена обширная площадь Труда, выступавшая одновременно социально-культурным центром города и магистралью для перемещения массы рабочих на завод и с завода. Ансамбль площади включал торговый центр, гостиницу, кинотеатр, выставочный центр и огромное административное здание компании. К площади примыкал массив общежитий, за которым начиналась малоэтажная застройка [Старостенко, с. 275–279]. Градостроительный акцент на заводских площадях встречается в проектах новых поселений, создававшихся в Италии в эпоху автаркии конца 1930-х гг., примером служит город Торвискоза, возведенный при целлюлозной фабрике компании *SNIA Viscosa* в 1937–1939 гг. Здесь главная улица вела прямо к заводской проходной, продолжаясь за ней как центральная заводская аллея и открывая путь к впечатляющим фабричным корпусам с 54-метровыми башнями для получения бисульфита кальция. Расположение проходной, украшенной статуями «Непрерывность рода в труде» и «Синтез силы, разума и веры», было акцентировано круглой заводской площадью Автаркии (ныне – площадь Ф. Маринотти), западную часть которой занимали здания театра и столовой (*ristoro*). Одна из бисульфитных башен была выстроена так, чтобы формой напоминать связку фасций [Politini].

Сходным образом формировались промышленные поселения (*company towns*) в США конца XIX – начала XX в. Зачастую корпоративные города имели крупные зоны общественного назначения вблизи проходных – так были спланированы знаменитый Пуллман (пригород Чикаго, основанный в 1886 г. вагоностроительной компанией *Pullmans*) и Херши (основан в 1903 г. при кондитерской фабрике фирмы *The Hershey Company*) [Buder, p. 4–5; Milton Hershey and the Derry Township Public Schools]. Впрочем, даже там, где предприниматели не стремились создать эффектный входной комплекс, действовала экономическая логика, заставлявшая концентрировать крупные общественные и коммерческие здания вблизи от заводских проходных, чтобы обслуживать

массу работников, перемещающихся на завод и с завода. К примеру, в поселениях Гэри (основано в 1906 г. при металлургическом заводе *US Steel*), Реблинг (основано при заводе металлоконструкций одноименной компании в 1908 г.) и Лоуренс-Парк (основано при заводе *General Electric* в 1911 г.) здания социальной инфраструктуры были распределены вдоль центральной улицы, ведущей к проходной [Lawrence Park Trail].

Таким образом, можно говорить о двух компонентах оформления предзаводской зоны: идеологическом и экономическом. Впрочем, полновесные площади типа площади Труда в Злине оставались редкостью. Формирование площадей сдерживалось стоимостью земли, а с 1920-х гг. его постепенно подрывала и автомобилизация, подталкивавшая к полной сепарации производственного и жилого комплексов.

Организация предзаводского пространства в СССР времен индустриализации: типология и классификация

Развернувшаяся в СССР с конца 1920-х гг. индустриализация предполагала возведение новых крупных промышленных предприятий, вокруг которых должны были возводиться новые города. Советские политические руководители декларировали принципиально новый урбанистический курс, ориентированный на создание рационально устроенных поселений без центра и периферии, в богатых и бедных кварталах, с точно выверенной численностью населения для обслуживания промышленных мощностей. Поселения этих предприятий мыслились как своеобразные «города в городе» [Иливицкая, с. 155], представляя собой материальное воплощение географии индустриализации [Журавлева, Мельникова, с. 69]. Победа урбанистской точки зрения в дискуссии о социалистическом расселении означала, что новые города будут строиться по принципу концентрации; по этой причине вопрос об оформлении контактно-стыковой зоны приобретал особое значение.

В 1936 г. архитектор А. Э. Зильберт писал:

Композиционный центр промышленной территории должен быть ориентирован на главные подходы к заводу. Особо важное значение приобретает композиция входной площади, особенно для заводов с преобладанием горизонтально-протяженных объемов... В большинстве крупных заводов зданиями, архитектурно образующими входную площадь, служат здание заводоуправления, проходная контора, здание завкома, иногда лаборатория, ФЗУ, пожарное депо, медпункт [Зильберт, с. 19].

Зильберт особо подчеркивал: производственного значения такая площадь не имеет, и потому в США такие градостроительные элементы отсутствуют. Но для социалистических заводов пло-

щадь, по его мнению, необходима: «Социалистическое предприятие должно получить яркое выражение в первом встречающем человека архитектурном ансамбле, каким является входная площадь» [Зильберт, с 20]. К тому же площадь нужна для проведения демонстраций. Советские архитекторы тщательно прорабатывали оформление заводских площадей. Важным фактором выступало отсутствие в СССР частной собственности на землю, что позволяло не экономить пространство – по крайней мере, на бумаге.

Впрочем, строительство новых индустриальных комплексов (завода и его поселения) в эпоху индустриализации не воплощало единую организационно-пространственную модель. Ключевыми чертами градостроения 1930-х гг. были цейтнот и дефицит, которые, в свою очередь, приводили к тому, что всеобъемлющий в теории контроль центра над процессом строительства обрачивался импровизацией, творческим поиском и выработкой оригинальных культурных моделей, приобретавших значимость для локальных сообществ [Ильченко, с. 68]. Проанализировав 45 кейсов¹, мы выделили три возможных варианта организации контактно-стыковой зоны промышленного предприятия в СССР эпохи индустриализации, фактически воплощавшихся в градостроительной практике.

Тип 1 – *магистральный*. Контактно-стыковая зона в данном типе развернута вдоль транспортной магистрали, идущей параллельно заводу, образуя буфер между производством и жилой зоной. Часто элементы контактно-стыковой зоны выходят в зеленую зону или парк; в контактно-стыковую зону обычно не входят культурные учреждения (клубы, кинотеатры), размещаемые в глубине жилого массива. К подобному типу относятся 10 из 45 проанализированных кейсов².

Тип 2 – *узловой*. Этот тип предполагает наличие на вытянутой вдоль завода магистрали крупного узла в виде свободной площади, вокруг которой более или менее равномерно размещены административно-технические сооружения завода и здания социальной инфраструктуры. К площади подходят одна или несколько улиц, напрямую связывающих ее с сельтербой, вдоль этих улиц раз-

---

¹ Общее число выстроенных и реконструированных заводских поселков, конечно, не поддается окончательному исчислению. Мы выделили 45 кейсов – промышленные новостройки или кардинально реконструированные заводы 1930-х гг., относящиеся к различным отраслям тяжелой промышленности: черной металлургии, трубной промышленности, цветной металлургии, тяжелому машиностроению, транспортному машиностроению, тракторостроению, сельхозмашиностроению, авиастроению, судостроению, химической промышленности. В анализ не были включены центры угольной и добывающей промышленности, предприятия пищевой, текстильной, лесной промышленности.

² Горьковский автомобильный завод, Харьковский тракторный завод, Севмаш, Сибирский и Ростовский заводы сельскохозяйственного машиностроения, Новокраматорский машиностроительный завод, «Запорожсталь», «Азовсталь», Южнотрубный завод (Никополь), Рыбинский моторный завод.

вертываются другие элементы социальной инфраструктуры. К данному типу относятся 20 из 45 кейсов³.

Тип 3 – *изолированный*. Этот тип предполагает размещение входной группы завода на такой дальности от поселка, что сосредоточение у проходного узла какой бы то ни было социальной инфраструктуры, кроме непосредственно нужной для производственного процесса (медсанчасть, пожарная станция), заведомо теряет смысл. К данному типу относятся 15 из 45 предприятий⁴.

Наиболее популярным в 1930-х гг. являлся узловый тип организации контактно-стыковой зоны. Однако внутри этого типа наблюдалась высокая вариативность, зависевшая от насыщенности социально-хозяйственной инфраструктурой. Поэтому уместно ввести для выявленных случаев дополнительную градацию, выделяя сильные и слабые узлы. Сильным мы считаем такой узел, который располагает всеми видами социальной инфраструктуры: административной, социокультурной, торгово-экономической, жилой. К данному типу можно отнести 12 из 20 выделенных случаев. Далее, поскольку мы говорим о культурно-исторической значимости, уместно ввести еще один критерий – архитектурное единство.

Социальная инфраструктура предзаводских узлов формировалась не одновременно, иногда – в течение десятилетий. Поэтому большинство заводских площадей крайне эклектичны с архитектурно-планировочной точки зрения. Мы выделим те, у которых большая часть зданий заводской площади была выстроена в предвоенное десятилетие (1930-е гг.). Из 12 сильных узлов только шесть обладают подобными архитектурно-градостроительными ансамблями. Это площадь Кирова (Макеевка), площадь Дзержинского (Волгоград), площадь Орджоникидзе (Саратов), Комсомольская площадь (ранее – Заводская площадь, Магнитогорск), площадь 1-й Пятилетки (Свердловск) и площадь Побед (Новокузнецк). Ниже мы кратко охарактеризуем планировку и архитектуру каждой из этих площадей, а также их культурную и символическую роль.

---

³ Московский автомобильный завод, Сталинградский тракторный завод, Саратовский завод комбайнов (Саратовский авиационный завод), Уральский и Иркутский заводы тяжелого машиностроения, Макеевский, Магнитогорский и Кузнецкий металлургические комбинаты, Луганский паровозостроительный завод, Уральский вагоностроительный завод, Чернореченский химический завод (Дзержинск), завод № 101 (Каменск-Шахтинский), Соликамский магниевый завод, Запорожский алюминиевый комбинат, Первоуральский новотрубный завод, Красноуральский медеплавильный завод, Пермский моторостроительный завод, Воронежский и Горьковский авиационные заводы.

⁴ Челябинский тракторный завод, Улан-Удэнский паровозоремонтный завод, Каширский электровозный завод (Ступинский металлургический завод), НовоТагильский металлургический комбинат, «Криворожсталь», Березниковский и Сталиногорский химические комбинаты, Горловский азотно-туковый комбинат, Ереванский завод искусственного каучука, Балхашский медеплавильный завод, Волховский и Уральский алюминиевые заводы, Синарский трубный завод, Харьковский и Новосибирский авиационные заводы.

Важнейшие заводские площади 1930-х гг.: градостроительная и символическая роль

Макеевский металлургический завод возник в 1898 г., однако в конце 1920-х – начале 1930-х гг. производство было кардинально расширено. По мере расширения производства в начале 1930-х гг. начал расти и город; к северу от Старой колонии возникла новая Советская колония, также называемая Современной колонией или Кировской стороной [Шолух, Губанов, с. 16–17]. На границе двух поселений, старого и нового, разместилась заводская площадь Металлургического завода имени Кирова. Она представляла собой обширное трапециевидное пространство, на которое выходил ряд зданий, сооруженных между 1929 и 1937 гг. в конструктивистском стиле: это заводоуправление, гостиница, дом специалистов («дом металлургов»), заводская проходная [Черныш, с. 22]; рядом с площадью находились поликлиника и Дом техники. Доминирующими элементами площади были два колоссальных газгольдера, расположенные прямо за проходной на территории завода. На площади имелись также более старые здания, выстроенные еще до революции, – конный двор завода и католический костел, теперь замыкавший площадь с востока. После войны костел был снесен, площадь благоустроена и озеленена, в 1959 г. в ее западной части был выстроен крупный дворец культуры.

Площадь Орджоникидзе, расположенная у проходных Саратовского завода комбайнов (пущен в 1931 г.), также являлась крупным социально-хозяйственным узлом. Ее ансамбль включал здания заводоуправления, школы ФЗУ, фабрики-кухни, кинотеатра, универмага, узла связи и клуба. Сразу за площадью начиналась жилая застройка поселка, охватывавшего ее полукольцом. Интенсивное озеленение и свободный характер застройки привели к тому, что уже в послевоенные годы панорама площади утратила визуальное единство. Возможно, по этой причине ее облик и не играл роли в формировании образа индустриального Саратова, не привлек внимания историков архитектуры, а сама площадь не сделалась культурно значимым местом, хотя оставалась центром социальной жизни района. Это тем более удивительно, что завод обладал богатой трагической историей, связанной с Великой Отечественной войной⁵.

Обе рассмотренные выше заводские площади не смогли закрепить роль места памяти в своих городах. Площадь Орджоникидзе к тому же понесла невосполнимые архитектурные утраты: по состоянию на 2022 г. завод больше не существует, заводские цеха, школа ФЗУ и заводоуправление снесены, на месте промышленной площадки

---

⁵ С 1937 г. предприятие выпускало самолеты под именем Саратовского авиационного завода, став ведущим производителем истребителей «Як-1» и ключевым звеном авиационного комплекса СССР на самом трудном этапе войны. В ночь с 23 на 24 июня 1943 г. завод подвергся налетам люфтваффе и чудовищно пострадал, однако сумел уже через два месяца восстановить объемы производства [Данилов, с. 105, 108–109].

ведется жилищное строительство. В Макеевке ансамбль площади сохраняется, но фактически большинство зданий заброшено, поскольку с 2009 г. на комбинате не действуют доменное и мартеновское производства, соответствующие сооружения демонтированы. Иным образом сложилась судьба четырех заводских площадей в Волгограде, Магнитогорске, Екатеринбурге и Новокузнецке.

Вход на Сталинградский тракторный завод (пущен в 1930 г.) также формировала крупная площадь Дзержинского [Токарев, с. 89]. Строго говоря, входов на завод было два, так как его цеха рассекали массив жилой застройки надвое – Верхний поселок, лежащий к западу от промышленной площадки, и Нижний поселок, расположенный восточнее нее на берегу Волги. Однако парадное оформление имел лишь западный вход, через который завод был соединен с наиболее крупным Верхним поселком. Архитектурный ансамбль площади Дзержинского включал в себя здания заводууправления, заводской лаборатории, пожарной станции, клуба, тракторного института, кинотеатра «Ударник», школы ФЗУ, средней школы, фабрики-кухни, гостиницы [Там же, с. 94–95], а также памятник Ф. Д. Дзержинскому, чье имя носил завод (ил. 1 на цв. вклейке).

Площадь была в середине 1930-х гг. реконструирована под руководством архитектора И. С. Николаева. Бригада Николаева предложила считать ее местом для демонстраций и праздников (поэтому трамвайное кольцо перенесли на ее южную сторону) и разместило на площади четыре архитектурных элемента: ворота проходной, памятник Дзержинскому, фонтаны и доску почета и истории [Николаев]. Николаев проектировал и вторую заводскую площадь в Нижнем поселке [Бойтлер], но данный проект не был реализован. Площадь Дзержинского играла важную роль в визуализации сталинского СССР эры индустриализации – к примеру, панорамная фотография площади с видом на Верхний поселок вошла в путеводитель «Страна Советов» 1937 г. [Фрейдин, с. 152–153]. В годы Великой Отечественной войны район тракторного завода оказался в эпицентре боев и серьезно пострадал, были утрачены здания кинотеатра, клуба и пожарной станции. Отныне заводская площадь СТЗ приобретает особое значение, сделавшись местом памяти о героической обороне Сталинграда. В 1949 г. здесь был установлен монумент-танк, а в 1953–1955 гг. сооружены массивные заводские ворота. В 1973–1980 гг. площадь обогатилась огромными мозаичными панно «Завод-труженик» и «Завод-солдат» авторства П. Ф. Шардакова, представляющими богатую историю завода.

Площадь стала частью визуального стандарта для рассказа о городе. Так, путеводитель по Волгограду 1967 г. уделил ей особое внимание:

Подчеркнуто богатый вход и памятник придают площади художественную выразительность. Противоположная длинная сторона ее остается открытой для выхода с примыкающих к ней улиц и бульваров. С торцевых сторон она окружена бульварами-скверами. Размер и фор-

ма площади создают возможность быстрого рассредоточения больших групп рабочих после окончания смены, в этом случае она приобретает значение связывающего пространства между заводской территорией и жилыми районами города. В начале реконструкции площади ее предполагали сделать транспортной развязкой... Но потом, учитывая ее историческую роль, решено было придать ей иное функциональное и идейное назначение... Так возник новый тип городской площади – не для автомашин, а для пешеходов [Савченко, Липявкин, Калининченко, с. 107].

Площадь Дзержинского оставалась доминантой района – так, в 1980 г. известный журналист А. К. Чемонин, рассуждая о юбилее завода, восклицал: «Если бы всех тракторозаводцев, удостоенных высоких наград Родины, собрать у этих ворот, они заполнили бы всю огромную площадь» [Чемонин, с. 2]. Большие фотографии площади были напечатаны в альбомах «Волгоград и волгоградцы» (1971), «Волгоград: герод-герой» (1972), «Волгоград» (1974), «Волжская твердыня» (1982) и «Волгоград» (1985), входили в комплекты открыток 1970, 1979, 1986 гг. Кроме того, в 1956 и 1967 г. отдельными открытками издавались виды танка-памятника и площади, а в 1973 г. печаталась открытка сразу с двумя фотографиями авторства Б. Круцко (площадь с танком – вверху, тракторы на территории завода – внизу; на обороте помещалась черно-белая фотография разрушенной площади Дзержинского февраля 1943 г. авторства А. А. Воротынского).

В Магнитогорске ансамбль огромной Комсомольской площади у входа на Магнитогорский металлургический комбинат (пущен в 1932 г.) включал здания проходной, заводоуправления, гостиницы, центральной лаборатории, государственного банка, ресторана, кинотеатра, Дома общественных организаций [Нестерова, с. 24–30]. Все эти здания были выстроены в 1930–1940-х гг.; в 1938 г. у проходных была установлена статуя Сталина, чье имя носил комбинат; в 1961 г. она была заменена на статую Ленина. Площадь проектировалась как социальный центр для демонстраций, ее облик являлся важной частью образа Магнитогорска, тиражировавшегося в публичной сфере. Так, площади был посвящен известный фотографический цикл, выполненный во второй половине 1930-х гг. фотографом В. В. Микошей [Брызгалина]. Панорамные фотографии западной части заводской площади Магнитогорского комбината, сделанные в 1960–1970-х гг. фотографами Б. М. Клипиницером, Ф. С. Коноплевым, А. А. Князевым, издавались в различных комплектах открыток с видами города. Значительная часть нарратива была посвящена Комсомольской площади и ее ансамблю в изданиях о Магнитогорске 1950-х – начала 1960-х гг., характеризовавших площадь как общественный центр города (ил. 2 на цв. вклейке).

Однако во второй половине XX в. значение Комсомольской площади в визуальной репрезентации города и завода падает. С 1961 г.

здесь перестали проводить массовые мероприятия. В альбомах «Магнитка: сталь и люди» 1979 г. и «Магнитка: полвека в строю» 1981 г., в юбилейном выпуске журнала «Архитектура СССР» за июль 1979 г. изображения Комсомольской площади отсутствуют. Сменилась манера визуальной репрезентации Магнитки: фотографии комбината, помещенные в этих альбомах, выполнены не с площади, а с правого берега реки, давая панораму цехов над водной гладью; вместо исторических зданий Космосольской площади ключевым образом ранней истории города стал памятник «Первая палатка», также воздвигнутый на правом берегу в 1966 г.

На правом берегу велось и создание мемориальных комплексов в честь боевых и трудовых подвигов Великой Отечественной войны: в 1979 г. в парке на берегу реки был открыт монумент «Тыл – фронту», в 1982 г. на площади Победы был установлен танк-памятник. Возможно, подобная утрата пиетета перед старым Магнитогорском позволяет объяснить и существенные искажения внешнего вида зданий Комсомольской площади в 1990-е гг. Новый подъем интереса к довоенному Магнитогорску, произошедший в 2007–2012 гг., был связан с изысканиями в области наследия германских архитекторов группы Э. Мая на Урале [Расторгуев, Токменинова, Фольперт], однако интерес этот ограничивался жилыми районами города и не затрагивал Комсомольскую площадь, поскольку к ней немецкие архитекторы отношения не имели.

Площадь 1-й Пятилетки в Свердловске располагается близ проходной Уральского завода тяжелого машиностроения (Уралмаша, пущен в 1933 г.), являясь центром заводского поселка. В состав ее ансамбля входят здания заводоуправления, Дома техучебы (строился как дом-коммуна), гостиницы (известной в городе как «Мадрид», хотя официально здание не носило такого имени), заводской проходной, центральной заводской лаборатории, школы ФЗУ, пожарной станции. Архитектурный облик площади сложился к концу 1930-х гг. и в последующие годы не претерпевал изменений – единственным новым штрихом стало строительство в непосредственной близости к заводоуправлению здания НИИтяжмаш (начало 1960-х гг.), выдержанного в сдержанной функционалистской манере. Непосредственно к площади прилегают массивы жилых домов с детским садом и яслями, больничный квартал, фабрика-кухня, баня.

Уже в 1930-е гг. начал создаваться *миф об Уралмаше* – «счастливым городе» машиностроителей, созданном с чистого листа [Ефремова]. В этой мифологии важную роль играла площадь 1-й Пятилетки, где в 1932 г. была выстроена усыпальница с прахом первостроителей – директора стройки А. П. Банникова и главного инженера В. Ф. Фидлера (в 1934 г. Фидлер был посмертно обвинен во вредительстве, и его прах был изъят из усыпальницы). В 1950-е гг. усыпальница была демонтирована и заменена на обелиск, посвященный Банникову и перемещенный к краю площади; центральное место занял памятник Г. К. Орджоникидзе, чье имя носил завод.

Фотография площади 1-й Пятилетки и жилой застройки по улице Ильича входила в число визуальных констант советского градостроения; именно это фото было воспроизведено в парадном издании «Советская архитектура за ХХХ лет». Площадь попала в объектив фотоаппарата В. Л. Тарасевича, посетившего Свердловск в 1958 г., по-видимому, в честь торжеств 25-летия Уралмашзавода (ил. 3 на цв. вклейке). Фотографии площади были помещены практически во всех парадных альбомах советского Свердловска 1950–1970-х гг. – «Свердловск в настоящем и будущем» (1958), «Свердловск в фотографиях» (1965), «Очерки истории Свердловска» (1973), «Признание: лирический репортаж о Свердловске» (1973) и др. Площадь занимала важное место в публицистических описаниях Уралмаша [Мелентьев, с. 2], а также играла большую социально-политическую роль, поскольку Уралмашзавод был обязательным пунктом в маршрутах посещавших город иностранных делегаций [Бекленищева, с. 530]. Ряд зданий ансамбля площади был увековечен на барельефах «Уралмаш: история и современность» (1990) на станции екатеринбургского метро «Уралмаш». Кроме того, площадь выступала местом проведения районных праздников Орджоникидзевского района города, в частности, новогодних. В ХХI в. здесь регулярно проходят фестивали и устанавливаются арт-объекты – от инсталляции «Сердце Уралмаша» до «Супрематического креста» художника-каллиграфиста Покраса Лампаса [Ваньке, Полухина]. В целом площадь вошла в число «визуальных брендов» Среднего Урала [Архипова, с. 87].

Площадь Побед у входа на Кузнецкий металлургический комбинат (пущен в 1932 г.) в Новокузнецке также является цельным комплексом застройки 1930-х гг. Заводская площадь была задумана как социальный центр поселка [Чередниченко, с. 602], и, хотя капитальный жилой массив был сооружен в существенном отдалении от нее, она сохраняла свою общественную функцию: на территории площади размещались здания заводууправления, Театра металлургов, техникума, детского дворца культуры, медсанчасти. В 1936 г. здесь была установлена статуя Сталина, чье имя до 1961 г. носил комбинат и сам город. Впрочем, главную роль в ансамбле площади играл сам «первенец сибирской металлургии» со своими огромными доменными печами, коксовыми батареями и величественным корпусом электростанции⁶. С юга к площади подходила жилая барачная застройка Нижней колонии, а с севера на нее выходит туннель, соединивший в 1933 г. площадь Побед с Верхней колонией – поселком первостроителей, располагавшимся на холме к западу от промышленной площадки. Таким образом, через площадь осуществлялось сообщение между Верхней и Нижней колонией, пока к 1960-м гг. Верхняя колония не опустела, а Нижняя колония не была снесена.

---

⁶ В отличие от домен Кузнецкого комбината, доменные цеха Макеевки и Магнитогорска находились в удалении от проходных, а в перспективе заводской площади были видны приземистые мартеновские цеха.

Площадь Побед играла важную культурную и символическую роль с первых лет строительства города. Она была местом символической консолидации эпохи строительства и освоения мощностей комбината. В туннеле, соединяющем площадь с Верхней колонией, находится памятная доска на месте захоронения А. М. Заева, одного из строителей этого инженерного сооружения, умершего в 1933 г. и торжественно похороненного прямо в центре стройки. На самой площади Побед находилась сигнальная мачта, на которой бригады первостроителей после окончания смены зажигали звезду [Десять лет города угля и металла, с. 54]. Именно на этой площади провожали призывников в годы Великой Отечественной войны и здесь же отмечали Победу. В 1973 г. на площади в память о Великой Отечественной войне были установлены скульптурный мемориал и танк-памятник Т-34 [Журавков, с. 65]; мемориал замкнул пространство площади с юга. В 2000-х гг. в Новокузнецке даже изготавливались сувениры «Площадь Побед». Вместе с тем изображение площади Побед отсутствовало в комплектах открыток о Новокузнецке, несколько раз выходивших в 1970-х гг. (ил. 4 на цв. вклейке). Сегодня площадь Побед сохраняет культурное значение главным образом в контексте памяти о трудовом подвиге Великой Отечественной войны, хотя ее облик обеднел из-за демонтажа величественных доменных печей комбината.

* * *

Избыточно обширные производственные пространства, унаследованные современными городами от советской плановой экономики, сегодня сжимаются, выдвигая в центр общественного внимания вопрос об интеграции индустриального наследия в городскую ткань. Решение этого вопроса связано не только с экономико-градостроительными мерами (реновацией, зонированием, рекультивацией), но и с символической политикой – Е. Г. Трубина метко называет обширные индустриальные пространства постсоветского города «бросовым приданым» [Трубина]. Сегодня их часто воспринимают как «изолированные, стагнирующие территории с невыразительной архитектурой», «источники вредных выбросов и отходов» [Благиных, Дрожжин, с. 61]. Этот вопрос напрямую касается и заводских площадей с их пограничным положением между промплощадкой и селитьбой.

Чаще всего ценность ансамблей заводских площадей эры индустриализации актуализируется исследователями и активистами в контексте наследия архитектуры авангарда. Так, в Екатеринбурге и некоторых других городах советская конструктивистская архитектура 1920–1930-х гг. утвердилась в качестве бренда города [Степанов, Степанова, с. 17; Беляева, с. 122]. Однако ряд исследователей предлагают идти дальше, обращаться при выстраивании культурной политики сохранения и ревитализации не толь-

ко к архитектурно-стилистической, но и к социальной истории градостроения [Пискунова, Старостова, Янков, с. 92]. По нашему мнению, не меньшее значение имеет и детализированное изучение символической роли и культурной мифологии, связанной с комплексами заводских площадей, а также тех культурных эффектов, которые были обусловлены примененными при создании этих объектов градостроительными решениями. Так, огромные пространства в сочетании с наличием удобной точки обзора (высотного здания) позволили фотографам превратить панорамы таких площадей в часть визуального канона для рассказа о городе.

«Митинговая» роль заводских площадей делала их местами памяти о Великой Отечественной войне: здесь находятся танки-монументы (Волгоград, Новокузнецк) или мемориалы заводчанам-фронтовикам (Макеевка, Екатеринбург, Новокузнецк). Вместе с тем в условиях советского социализма крупные предприятия обзаводилось своеобразной нарративной идентичностью, которая была неразрывно связана с их территорией и находила воплощение в том числе и в ансамблях этих площадей – барельефах, памятниках, стелах с орденами и наградами. Представляется, что именно наличие подобного нарратива является одним из ключевых факторов в разработке политики сохранения и ревитализации заводских площадей.

Таким образом, уникальность заводских площадей эпохи индустриализации определяется тремя аспектами: архитектурно-градостроительным, социальным и культурно-символическим. Полновесных заводских площадей, обладающих всеми упомянутыми аспектами уникальности, существует всего четыре – площадь Дзержинского в Волгограде, Комсомольская площадь в Магнитогорске, площадь 1-й Пятилетки в Екатеринбурге и площадь Побед в Новокузнецке. В силу своей исключительности эти комплексы памятников требуют к себе особого внимания, особо бережной политики сохранения и восстановления, учитывающей не только архитектурно-эстетическую, но и культурно-символическую значимость данных памятников исторического наследия.

Список литературы

Архипова Ю. В. Визуальные образы Урала и их роль в конструировании брендов // Вестник Гуманитарного университета. 2016. № 1 (12). С. 83–92.

Бекленищева М. В. Свердловская область в дипломатической истории СССР: визиты первых лиц иностранных государств в регион (1955–1965) // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2021. Т. 5, № 2. С. 529–570. DOI 10.23859/2587-8344-2021-5-2-6.

Беляева М. А. Образ Екатеринбурга: от истории к современности // Территория новых возможностей : Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. № 1. С. 119–127.

Благиных Е. А., Дрожжин Р. А. Механизмы и принципы реновации стагнирующих территорий промышленных предприятий // Градостроительство и архитектура. 2018. № 4. С. 61–68. DOI 10.17673/Vestnik.2018.04.11.

Бойтлер В. С. Архитектурная реконструкция Сталинградского тракторного завода // Проблемы архитектуры. М. : Изд-во Всесоюз. акад. архитектуры, 1936. Т. 1, кн. 2. С. 137–143.

Брызгалина Е. Остановивший время // Магнитогорский металл. 2019. 15 авг. № 91 (13596). С. 12.

Ваньке А., Полухина Е. Территориальная идентичность в индустриальных районах: культурные практики заводских рабочих и деятелей современного искусства // Laboratorium. 2018. № 3. С. 4–34. DOI 10.25285/2078-1938-2018-10-3-4-34.

Данилов В. Н. Оборонно-промышленный комплекс Саратова в годы Великой Отечественной войны: проблемы формирования и деятельности // Известия Саратовского университета. Сер.: История. Международные отношения. 2013. Т. 13, вып. 2. С. 102–111.

Десять лет города угля и металла. Сталинск : Юбилейн. комиссия, 1939. 288 с.

Ефремова Е. Н. «Здесь будет город-сад»: утопический образ города в заводской газете Уралмаша // Quaestio Rossica. 2015. № 4. С. 57–82. DOI 10.15826/qr.2015.4.126.

Журавков Ю. М. Как строился Новый Кузнецк : История районов города: архитектура и благоустройство // Новокузнецк, 380. Город и судьбы. 1618–1998. Новокузнецк : ПризмаДо, 1998. С. 30–78.

Журавлева Н. И., Мельникова С. В. Екатеринбург – Свердловск: трансформация образа города // Человек в мире культуры : Региональные культурологические исследования. 2017. № 2/3 (21). С. 66–70.

Зильберт А. Э. Планировка промышленной территории // Проблемы архитектуры. М. : Изд-во Всесоюз. Акад. архитектуры, 1936. Т. 1, кн. 2. С. 7–38.

Иливицкая Л. Г. Центр и периферии города: хронотопические конфликты // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 2. С. 153–157. DOI 10.24411/1813-145X-2019-10364.

Ильченко М. С. Опыт Уралмаша в архитектуре советского авангарда: градостроительный эксперимент 1920–1930-х гг. // Quaestio Rossica. 2016. № 3. С. 55–71. DOI 10.15826/qr.2016.3.175.

Лотарева Р. М. Города-заводы России. XVIII – первая половина XIX века. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та : Урал. арх.-худож ин-т, 1993. 216 с.

Мелентьев А. Дисциплина труда // Правда. 1981. 6 февр. № 37 (22833). С. 2.

Нестерова З. Н. Магнитогорск. М. : Гос. изд-во лит-ры по строительству и архитектуре, 1951. 64 с.

Николаев И. С. Об архитектурном лице советского завода // Академия архитектуры. 1935. № 1–2. С. 85–91.

Пискунова Л. П., Старостова Л. Э., Янков И. В. Реконтекстуализация архитектурного наследия советского авангарда: выставочный проект «Городки Свердловска: от архитектурного проекта к социальному опыту» // Вестник Пермского университета. 2017. № 2. С. 85–98. DOI 10.17072/2219-3111-2017-2-85-98.

Расторгуев А., Токменинова Л., Фольперт А. Наследие эксперимента. Из истории архитектурного авангарда на Урале // Урал : [сайт]. 2011. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2011/6/nasledie-eksperimenta.html> (дата обращения: 07.07.2022).

Савченко И. П., Липявкин А. Ф., Калинин П. П. Царицын – Сталинград – Волгоград. Волгоград : Ниж.-Волж. книж. изд-во, 1967. 191 с.

Старостенко Ю. Д. Zlin – идеальный город межвоенного чешского модернизма // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2019. № 1 (12). С. 261–282. DOI 10.25995/NIPIAG.2019.12.1.013.

Степанов А. В., Степанова Т. М. Конструктивизм в структуре архитектурно-стилевой айдентики Екатеринбурга // Академический вестник УралНИИпроект РАСН. 2014. № 2. С. 15–19.

Токарев А. Г. Сталинградский тракторный завод – пространство индустриализации и конструктивизма // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2019. Т. 21, № 1. С. 85–100. DOI 10.31675/1607-1859-2019-21-1-85-100.

Трубина Е. Г. Примиряясь с упадком: руины 2.0 // Неприкосновенный запас : [сайт]. 2013. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2013/3/14t-pr.html> (дата обращения: 07.07.2022).

Фрейдин И. Страна Советов : Краткий экономико-географический очерк СССР. М. : Молодая гвардия, 1937. 354 с.

Чемонин А. Первенец первой пятилетки // Известия Советов народных депутатов СССР. 1980. 16 июня. № 140 (10510). С. 2.

Чередниченко Ж. М. Новокузнецк в 1920–1930-е годы в памятниках модернизма // Баландинские чтения. 2018. № 1. С. 601–605.

Черныш М. А. Отражения стиля конструктивизм в исторической застройке г. Макеевки (на примере поселка Современная колония) // Апробация. 2015. № 10 (37). С. 20–23.

Шолух Н. В., Губанов А. В. Идеино-гуманистические и композиционно-планировочные аспекты формирования промышленных поселков 1920–1930-х гг. в г. Макеевке // Вісник Донбаської національної академії будівництва і архітектури. 2012. № 4. С. 12–21.

Явкина Ю. А. Архитектурно-планировочное формирование предзаводской территории промышленных предприятий г. Новосибирска // Ноэма : (Архитектура. Урбанистика. Искусство). 2019. № 2. С. 20–33.

Яковлев В. Б. Развитие архитектурно-планировочных структур малых металлургических городов Урала : автореф. дис. ... канд. архитектуры. Екатеринбург : [Б. и.], 2006. 28 с.

Buder S. The Model Town of Pullman: Town Planning and Social Control in the Gilded Age // Journal of the American Institute of Planners. 1967. № 1. P. 2–10.

Lawrence Park Trail // Let's Move Outside! Erie County Recreational Passport. URL: <http://letsmoveoutside.org/trails.php/Lawrence-Park-Trail/51/2218/655/5017> (accessed: 02.01.2022).

Milton Hershey and the Derry Township Public Schools // Hershey Community Archives. URL: <https://hersheyarchives.org/encyclopedia/milton-hershey-and-the-derry-township-public-schools/> (accessed: 02.01.2022).

Politini S. Torviscosa, la città della cellulosa in Friuli Venezia Giulia // Archeologiaindustriale.net : [website]. URL: https://archeologiaindustriale.net/2100_torviscosa-la-citta-della-cellulosa-in-friuli-venezia-giulia/ (accessed: 02.01.2022).

References

Arkhipova, Yu. V. (2016). Vizual'nye obrazy Urala i ikh rol' v konstruirovanii brendov [Visual Images of the Urals and Their Role in Constructing Brands]. In *Vestnik Gumanitarnogo universiteta*. No. 1, pp. 83–92.

Beklenishcheva, M. V. (2021). Sverdlovskaya oblast' v diplomaticheskoi istorii SSSR: vizity pervykh lits inostrannykh gosudarstv v region (1955–1965) [Sverdlovsk Region in the Diplomatic History of the USSR: Visits of Foreign Leaders to the Region (1955–1965)]. In *Historia provinciae – zhurnal regional'noi istorii*. Vol. 5. No. 2, pp. 529–570. DOI 10.23859/2587-8344-2021-5-2-6.

Belyaeva, M. A. (2016). Obraz Ekaterinburga: ot istorii k sovremenности [The Image of Yekaterinburg: From History to Modernity]. In *Territoriya novykh vozmozhnostei. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa*. No. 1, pp. 119–127.

Blaginykh, E. A., Drozhzhin, R. A. (2018). Mekhanizmy i printsipy renovatsii stagniruyushchikh territorii promyshlennykh predpriyatii [The Mechanisms and Principles of Stagnating Territories Renovation of Industrial Enterprises]. In *Gradostroitel'stvo i arkhitektura*. No. 4, pp. 61–68. DOI 10.17673/Vestnik.2018.04.11.

Boitler, V. S. (1936). Arkhitekturnaya rekonstruktsiya Stalingradskogo traktornogo zavoda [Architectural Reconstruction of the Stalingrad Tractor Plant]. In *Problemy arkhitektury*. Moscow, Vsesoyuznaya Akademiya arkhitektury. Vol. 1. Book 2, pp. 137–143.

Bryzgalina, E. (2019). Ostanovivshii vremya [The One Who Stopped Time]. In *Magnitogorskii metall*. August 15. No. 91 (13596), p. 12.

Buder S. (1967). The Model Town of Pullman: Town Planning and Social Control in the Gilded Age. In *Journal of the American Institute of Planners*. No. 1, pp. 2–10.

Chemonin, A. (1980). Pervenets pervoi pyatiletki [The First-Born of First Five Year Plan]. In *Izvestiya*. June 16. No. 140 (10510), p. 2.

Cherednichenko, Zh. M. (2018). Novokuznetsk v 1920–1930-e gody v pamyatnikakh modernizma [Novokuznetsk in the 1920s – 1930s in the Monuments of Modernism]. In *Balandinskii chteniya*. No. 1, pp. 601–605.

Chernysh, M. A. (2015). Otrazheniya stilya konstruktivizm v istoricheskoi zastroyke g. Makeevki (na primere poselka Sovremennaya koloniya) [Constructivist Reflections in Historical Urban Landscape of Makeevka (with Reference to Sovremennaya Koloniya Settlement)]. In *Aprobatsiya*. No. 10 (37), pp. 20–23.

Danilov, V. N. (2013). Oboronno-promyshlennyi kompleks Saratova v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: problemy formirovaniya i deyatelnosti [The Defensive and Industrial Complex of Saratov during the Great Patriotic War: Issues of Formation and Activity]. In *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 13. Iss. 2, pp. 102–111.

Desyat' let goroda uglya i metalla [Ten Years of the City of Coal and Metal]. (1934). Stalinsk, Yubileinaya komissiya. 288 p.

Efremova, E. N. (2015). “Zdes' budet gorod-sad”: utopicheskii obraz goroda v zavodskoi gazete Uralmasha [“Here will be a garden-city”: Utopian Image of a City in the Uralmash Plant Newspaper]. In *Quaestio Rossica*. No. 4, pp. 57–82. DOI 10.15826/qr.2015.4.126.

Freidin, I. (1937). *Strana Sovetov. Kratkii ekonomiko-geograficheskii ocherk SSSR* [The Country of Soviets. An Essay on the Economy and Geography of the USSR]. Moscow, Molodaya gvardiya. 354 p.

Il'chenko, M. S. (2016). Opyt Uralmasha v arkhitekture sovetskogo avangarda: gradostroitel'nyi eksperiment 1920–1930-kh gg. [Uralmash in the Architecture of Soviet Avant-Garde: An Experiment in City Construction in the 1920s and 1930s]. In *Quaestio Rossica*. No. 3, pp. 55–71. DOI 10.15826/qr.2016.3.175.

Ilivitskaya, L. G. (2019). Tsentri i periferii goroda: khronotopicheskie konfliktki [The Centre and Periphery of a City: Chronotopic Conflicts]. In *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*. No. 2, pp. 153–157. DOI 10.24411/1813-145X-2019-10364.

Lawrence Park Trail. (N. d.). In *Let's Move Outside! Erie County Recreational Passport*. URL: <http://letsmoveoutside.org/trails.php/Lawrence-Park-Trail/51/2218/655/5017> (accessed: 02.01.2022).

Lotareva, R. M. (1993). *Goroda-zavody Rossii. XVIII – pervaya polovina XIX veka* [Factory Towns of Russia. 18th – First Half of 19th Centuries]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, Ural'skii arkhitekturno-khudozhestvennyi institut. 216 p.

Melent'ev, A. (1981). Distsiplina truda [Labour Discipline]. In *Pravda*. Febr. 6. No. 37 (22833), p. 2.

Milton Hershey and the Derry Township Public Schools. (N. d.). In *Hershey Community Archives*. URL: <https://hersheyarchives.org/encyclopedia/milton-hershey-and-the-derry-township-public-schools/> (accessed: 02.01.2022).

Nesterova, Z. N. (1951). *Magnitogorsk* [Magnitogorsk]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo literaturny po stroitel'stvu i arkhitekture. 64 p.

Nikolaev, I. S. (1935). Ob arkhitekturnom litse sovetskogo zavoda [On the Architectural Face of the Soviet Factory]. In *Akademiya arkhitektury*. No. 1–2, pp. 85–91.

Piskunova, L. P., Starostova, L. E., Yankov, I. V. (2017). Rekontekstualizatsiya arkhitekturnogo naslediya sovetskogo avangarda: vystavochnyi proekt „Gorodki Sverdlovsk: ot arkhitekturnogo proekta k sotsial'nomu opyту” [A Recontextualisation of the Architectural Heritage of Soviet Avant-Garde: Exhibition Project *The Townships of Sverdlovsk: From an Architectural Project towards a Social Experiment*]. In *Vestnik Permskogo universiteta*. No. 2, pp. 85–98. DOI 10.17072/2219-3111-2017-2-85-98.

Politini, S. (2014). Torviscosa, la città della cellulosa in Friuli Venezia Giulia. In *Archeologiaindustriale.net* [website]. URL: https://archeologiaindustriale.net/2100_torviscosa-la-citta-della-cellulosa-in-friuli-venezia-giulia/ (accessed: 02.01.2022).

Rastorguev, A., Tokmeninova, L., Fol'pert, A. (2011). Nasledie eksperimenta. Iz istorii arkhitekturnogo avangarda na Urale [The Legacy of an Experiment. From the History of Architectural Avant-Garde in the Urals]. In *Ural* [website]. No. 6. URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2011/6/nasledie-eksperimenta.html> (accessed: 07.07.2022).

Savchenko, I. P., Lipyavkin, A. F., Kalinichenko, P. P. (1967). *Tsaritsyn – Stalingrad – Volgograd* [Tsarytsyn – Stalingrad – Volgograd]. Volgograd, Nizhne-Volzhskoe knizhnoe izdatel'stvo. 191 p.

Sholukh, N. V., Gubanov, A. V. (2012). Ideino-gumanisticheskie i kompozitsionno-planirovochnye aspekty formirovaniya promyshlennykh poselkov 1920–1930-kh gg. v g. Makeevke [The Humanist and Urbanist Aspects of the Formation of Industrial Settlements in Makeevka between the 1920s and 1930s]. In *Visnik Donbas 'koi natsional'noi akademii budivnitstva i arkhitekturi*. No. 4, pp. 12–21.

Starostenko, Yu. D. (2019). Zlin – ideal'nyi gorod mezhvoennogo cheshskogo modernizma [Zlin, an Ideal City of Interbellum Czech Modernism]. In *Voprosy vseobshchei istorii arkhitektury*. No. 1, pp. 261–282. DOI 10.25995/NIITIAG.2019.12.1.013.

Stepanov, A. V., Stepanova, T. M. (2014). Konstruktivizm v strukture arkhitekturno-stilevoi aidentiki Ekaterinburga [Constructivism in the Structure of the Architectural and Stylistic Identity of Yekaterinburg]. In *Akademicheskii vestnik UralNIiproekt RASN*. No. 2, pp. 15–19.

Tokarev, A. G. (2019). Stalingradskii traktorny zavod – prostranstvo industrializatsii i konstruktivizma [The Stalingrad Tractor Plant – Space of Industrialisation and Constructivism]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta*. No. 1, pp. 85–100. DOI 10.31675/1607-1859-2019-21-1-85-100.

Trubina, E. G. (2013). Primiryayas' s upadkom: ruiny 2.0 [Accepting the Decline: Ruins 2.0]. In *Neprikosnovennyi zapas* [website]. No. 3. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2013/3/14t-pr.html> (accessed: 07.07.2022).

Van'ke, A., Polukhina, E. (2018). Territorial'naya identichnost' v industrial'nykh raionakh: kul'turnye praktiki zavodskikh rabochikh i deyateli sovremennogo iskusstva [Territorial Identities in Industrial Neighborhoods: Cultural Practices of Factory Workers and Contemporary Art Communities]. In *Laboratorium*. No. 3, pp. 4–34. DOI 10.25285/2078-1938-2018-10-3-4-34.

Yakovlev, V. B. (2006). *Razvitie arkhitekturno-planirovochnykh struktur malykh metallurgicheskikh gorodov Urala* [The Development of Architectural Planning Structures of Small Metallurgical Towns of the Urals]. Avtoref. dis. ... kand. arkhitektury. Yekaterinburg, S. n. 28 p.

Yavkina, Yu. A. (2019). Arkhitekturno-planirovochnoe formirovanie predzavodskoi territorii promyshlennykh predpriyatii g. Novosibirsk [The Architectural Formation of Factory Entrance Territory of Industrial Enterprises in Novosibirsk]. In *Noema. (Arkhitektura. Urbanistika. Iskusstvo)*. No. 2, pp. 20–33.

Zhuravkov, Yu. M. (1998). Kak stroilsya Novyi Kuznetsk: Istoriya raionov goroda: arkhitektura i blagoustroistvo [How Novyi Kuznetsk Was Built: The History of the City Districts: Architecture and Urban Improvement]. In *Novokuznetsk, 380. Gorod i sud'by. 1618–1998*. Novokuznetsk, PrizmaDo, pp. 30–78.

Zhuravleva, N. I., Mel'nikova, S. V. (2017). Ekaterinburg – Sverdlovsk: transformatsiya obraza goroda [Yekaterinburg – Sverdlovsk: The Transformation of the City Image]. In *Chelovek v mire kul'tury. Regional'nye kul'turologicheskie issledovaniya*. No. 2/3 (21), pp. 66–70.

Zil'bert, A. E. (1936). Planirovka promyshlennoj territorii [Industrial Territory Planning]. In *Problemy arkhitektury*. Moscow, Vsesoyuznaya Akademiya arkhitektury. Vol. 1. Book 2, pp. 7–38.

The article was submitted on 10.03.2022

Иллюстрации к статье:
Константин Бугров. Заводские площади: градостроительная специфика
и культурно-историческая семантика в эпоху индустриализации
Illustration for the article:
Konstantin Bugrov. Factory Forecourts: Peculiarities in Construction
and Cultural and Historical Semantics during Industrialisation

1. Площадь Дзержинского. Волгоград. Из комплекта открыток
«Город-герой Волгоград». 1979
Dzerzhinsky Square. Volgograd. From *The Hero City Volgograd*
postcard collection. 1979

2. Комсомольская площадь. Магнитогорск. Из комплекта открыток «Магнитогорск».
Фото Б. Клипиницера. 1972
Komsomolskaya Square. Magnitogorsk. From the *Magnitogorsk* postcard collection.
Photograph by B. Klipitser. 1972

3. Площадь 1-й Пятилетки. Свердловск. Ил. из кн. «Советская архитектура за XXX лет. РСФСР». М., 1950
First Five-Year Plan Square. Sverdlovsk. An illustration from *The Architecture of the USSR over 30 Years*. RSFSR. Moscow, 1950

4. Площадь Побед. Сталинск. Открытка. Фото Г. Белянина. 1937
Square of Victories. Stalinsk. Postcard. Photograph by G. Belyanin. 1937